

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический институт
Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

Тюркско-славянские корреляции в ономастическом ландшафте Оренбуржья

Оренбуржье изначально складывалось на обширных территориях Южного Урала и Приуралья (более 370 тыс. км²) как полиэтнический регион, где непосредственно контактировали диалектные системы не только выходцев из более чем 20 российских губерний, но и тюркских и финно-угорских народов. Смешение «языков и наречий», впервые отмеченное и описанное В. И. Далем, проявлялось в процессах интерференции, которые нивелировались под влиянием русского литературного языка, особенно начиная со второй половины XX в.

Исследование славяно-тюркского взаимодействия в ономастическом ландшафте Оренбургской области показывает разную степень интерференции и трансформации топонимических и антропонимических систем.

Крупные географические объекты, как правило, сохраняют исходное название, за исключением чисто политических переименований: р. *Як* в *Урал* и г. *Оренбург* в *Чкалов*. Ойконимы, образованные от названий рек, например *Бугуруслан*, *Бузулук*, *Донгуз*, *Тугустимир*, *Тюльган* и т. п., в ряде случаев адаптируются в соответствии с новыми моделями: пос. *Айдырлинский* < ст. *Айдырля* < р. *Айдырля*; г. *Оренбург*, г. *Орск* (< р. *Орь* < *Ор*).

Кроме радикальных переименований советского периода, такие топонимы с течением времени модифицируются по нескольким направлениям. Одно из них — образование аппозитивного гетерогена с дальнейшей редукцией славянского или тюркского наименования: с. *Сара* (< р. *Сара*) > *Сара-Петропавловка* (по церкви) > *Сара*; с. *Михайловское* / *Шарлык* > *Шарлык*; р. *Изяк* (*Узяк*) > *Изяк Студенец*, *Изяк Чёрный Отрог* > *Студенец*, *Чёрный Отрог*. Другой путь модификации — ложное этимологическое сближение: название пос. *Берды* < р. *Берды* / *Берда* (башк.) местные жители объясняют как происходящее от *бердо* (деталь

ткацкого станка), а название с. *Шарлык* (< р. *Шарлык*, тюрк.) — от *шарылык*, которые якобы здесь изготавливали в XIX в. [Моисеев, 2016, 362]. Наряду с этим отмечается сосуществование некоррелирующих тюркских и русских наименований (р. *Блява* — *Грязнушка*; оз. *Ялтыр Куль* — *Блестящее*); широко распространено преобразование тюркских топонимов по русским продуктивным моделям, например: р. *Бакалы* > *Бакалка*, р. *Берды* > *Бердянка*, р. *Домбар* > с. *Домбаровка*, р. *Каргала* > *Каргалка*, р. *Кардаил* > с. *Кардаиловка*.

В местах компактного проживания тюркоязычных народов наблюдается сосуществование исконных микротопонимов и их переводов типа *Айьумэйэйшэ* — *Медвежий Угол*, *Казак Койосо* — *Колодец Казаха*, *Морат Бабай Шишмехе* — *Родник Деда Мурата*, *Муртаза-сай* — *Образ Муртазы*, *Татар чишмәсе* — *Татарский родник* и др.

Годонимическая система как официальный класс топонимов ориентирована на русский язык, включая те случаи, когда используются номинации исторически сложившихся частей населенных пунктов, которые также закрепляются в русском переводе, например *Караишнай* — *Еришова*.

Если географическое пространство «присваивается» и осмысливается в определенных языковых координатах, то антропонимические системы во многом сосуществуют достаточно изолированно, более того, наблюдаются активные процессы обособления антропонимиконов, например казахского, за счет возрождения старотюркского именника и насаждения новых традиций именования [Бекасова, 2018]. Однако длительное разноязычное сосуществование в условиях доминирования русского языка способствует появлению многочисленных диминутивов тюркских официальных имен по моделям русского именника, например: *Гузельнька*, *Гузельечка*, *Гузелька*, *Гузелиюшка*, *Гузелёнок*, *Гузелёночек*, *Гузелёныш* (< *Гузель*).

Смешанность этнического состава населения Оренбуржья приводит к своеобразной контаминации разноязычных слов в составе прозвищ типа *Корноухий Фаткула* (проиграл ухо в карты) или к слиянию генетически неоднородных элементов типа *Габычиха* (именование дочери по отчеству вместо *Габайдулловна*: *Габайдулла* > *Габыч*), *Усманиха*, *Шайтаниха* (имена женщин, мужей которых зовут *Усман* и *Шайтан*), *Файзулёнок* (именование сына по отчеству от имени *Файзула*) и т. п. Подобные прозвища — яркое проявление интерференции

разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имен носителями русского языка как лишенных статуса «чужого».

Таким образом, каждая из ономастических подсистем проявляет разные возможности проницаемости, «перелицовки» и трансформации исконных онимов, естественных и искусственных переименований, что обуславливает формирование многослойности ономастического ландшафта Оренбуржья.

Бекасова Е. Н. Лингвокраеведческий потенциал Оренбургской области // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург, 2018. С. 92–95.

Моисеев Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Оренбург, 2016.

DOI 10.31168/7996-2700-3.9

Марта Белетич

Институт сербского языка САНИ
Белград, Сербия
marta.bjeletic@gmail.com

К изучению происхождения с.-х. *ковиль* ‘*stipa pennata*’

Современные этимологические исследования в большой степени ориентированы на пересмотр существующих этимологических толкований, особенно тех слов, которые еще не получили общепринятого решения. К таким словам принадлежит с.-х. *ковиль* (м. р.), чаще *кóвилье* (ср. р.) ‘*Stipa pennata*’. Данный фитоним имеет соответствия преимущественно в южно- и восточнославянских языках: макед. *ковил*, болг. *ковѝл*, *койл*, *кофѝл*, словен. *kovilje*, рус. *ковыль*, *ковыл*, укр. *ковиль*, *ковилá*, блр. *кавыль*, на основании которых реконструированы праслав. **kovylъ* / **kovylъ*, **kovylъje* [ЭССЯ, 12, 15–17].

Праславянское слово и его единичные продолжения неоднократно становились предметом научного анализа. Выдвинуто несколько «иноязычных» этимологий, например из тур. *koyalık* ‘род тростника’ [Преображенский, 1, 279] или из лат. *capillata* ‘волосистая (трава)’ [Кобилянський, 1970, 69].

© Белетич М., 2019